

ИВАНОВ Алексей Александрович

Ночью тихо, с потушенными огнями к берегу подошёл ледокол, сбросил трап. Стали грузить на палубу ящики с минами, другие боеприпасы. После погрузки мы расселись на этих ящиках, ледокол медленно поплыл через Ладогу на ленинградский берег.

На наше счастье, немцы на этот раз не обстреливали и не бомбили ледокол. Легко себе представить, что попадание снаряда в ящик с минами вызвало бы такой взрыв, что ничего от нас не осталось бы. В довершение ко всему над Ладогой гулял пронизывающий ветер, было ужасно холодно. Да и одежда на нас ещё не просохла после ночного дождя. Валенки обледенели, сами мы превратились в ледышки. Плыли, шурша льдинами, так медленно, что казалось — вечность прошла, пока мы пересекли Ладогу.

В тот же день наша часть заняла позицию. Вспоминаю сейчас, как всё происходило, и удивляюсь: как беспечно мы, молодые ребята, вели себя. Немцы были рядом, могли нас в любой момент уничтожить. Достаточно сказать, что мы были практически без оружия: каждый расчёт имел миномёт и винтовку с пятью патронами.

На позиции были заранее приготовлены железные, величинной с небольшое ведро, печки, котлы для варки обеда. Мы сразу принялись за оборудование жилья: наломали лапника для постелей, насобирали сушняка. Палатка вмещала шесть чело-

век. У входа — печка. Пока горели дрова, было тепло, но стоило дровам прогореть, в палатке становилось так же холодно, как и снаружи. Разумеется, спали не раздеваясь, в шапках. Конечно, чувствовали себя в палатках неуютно, но не предполагали тогда, что предстоит ещё спать и без палаток, прямо на снегу.

Началась подготовка к штурму. Предстояло по льду с миномётами и другим оружием под огнём перебежать Неву (около 600 метров) и взобраться на берег, где укрепился противник. А этот крутой берег немцы ежедневно поливали водой. Трудная нам предстояла задача, поэтому мы придумали разные приспособления: лестницы, санки для миномётов, багры, наматывали проволоку на обувь.

Мы предполагали, что прорыв блокады начнётся в новогоднюю ночь, но наступил новый, 1943 год, а на фронте было затишье. Совершенно неожиданно утром 10 января была дана команда сменить позицию. Быстро собрали палатки и другое имущество, погрузили всё на самодельные санки и «табором» двинулись в сторону Ладоги. Шли недалеко от берега Невы, временами слышали стрекотание немецких пулемётов.

Быстро стемнело, был приказ расположиться на отдых. Попытались разбить палатки, развести внутри огонь, но из этой затеи ничего не получилось, так как все буквально валились

Воевал я на Ленинградском фронте. Нас в теплушках привезли на какой-то полустанок и выгрузили с оружием (миномётами) в болотистом лесу. Ночью пошёл мелкий дождь, и мы шлёпали в валенках по лужам. Мне выпало нести ствол 82-миллиметрового миномёта. У каждого из нас были вещмешок, противогаз, лопатка, связка гранат. К утру мы дошли до Ладожского озера. Нас разместили в большой старой конюшне, разрешили разжечь небольшие костерки, чтоб посушить портянки, выдали по куску хлеба и тощей селёдке. По количеству и однообразию выдаваемых в последние дни продуктов чувствовалось, что мы рядом с голодным Ленинградом.

Немцы находились рядом с нами, километрах в пяти-семи, в Шлиссельбурге. Нам было приказано не шуметь, не курить, не разжигать открытых костров.

с ног от усталости. Разрешили лечь прямо на снег, укрыться палатками. Отдохнуть не удалось, вскоре прозвучало: «Подъём!». Мы быстро поднялись, сдали старшине палатки и с тех пор жили «на улице». Я, например, «на улице» жил с 10 по 31 января, то есть три недели.

День 31 января и сегодня помню до мельчайших подробностей. Утром, часов в 9, на лошади подвезли мины и термос с горячим фасолевым супом. Помощник командира взвода решил проверить личный состав. Три человека куда-то исчезли. Было подозрение, что они перебежали к немцам. Такое бывало. Возможно, потому что наша рота была сильно «разбавлена» зеками, которым тюремное заключение было заменено отправкой на фронт. На фронте эти люди держались обособленно, при случае воровали всё, что попадалось под руку.

Немцы выследили, когда помкомвзвода выстроил нас, и из шестиствольного миномёта дали несколько залпов. Были ранены помкомвзвода, я и ещё несколько бойцов. Обстрел наших позиций продолжался. Это затрудняло перевязку раненых. Я кое-как переполз в воронку от крупного снаряда, вскрыл пакет и стал за-

матывать бинтом колено. Горячая, липкая кровь буквально хлестала из ноги, было очень больно. Особенно сильно был ранен помкомвзвода, ему мина попала в грудь, разворотив её.

Примерно через полчаса ещё одна лошадь со снарядами подъехала к нашим позициям. Разгрузив снаряды, бойцы положили раненых на сани, возчики погнали лошадей в полевую госпиталь, который размещался в большой воинской палатке на берегу Невы. Здесь мне шибко не повезло. Моей раной занялась неопытная медсестра, совсем ещё девчонка. Коленная чашечка и коленный сустав моей левой ноги были раздроблены осколками мины. В ране — кусок шинели, валенка и другая грязь. Крупные куски медсестра извлекла, а мелочь так и осталась в ране, хотя в историю болезни она вписала, что иссечение произведено. Небрежность медсестры и определила мою дальнейшую судьбу.

На грузовике нас отправили в Ленинград, в госпиталь, размещавшийся в школе. Врачи, читая историю болезни, думали, что рана моя обработана, и не трогали меня. Так я пролежал три дня. Ночью, через трое суток, рана так разболелась,

что я готов был сорвать повязку. Вызвали дежурного хирурга, который при осмотре установил, что у меня началась газовая гангрена. Быстро меня перенесли в операционную...

Когда я очнулся от наркоза, первое, что услышал, был приказ хирурга медсестрам: «Уберите ногу». Речь шла о моей левой ноге. Странно: ноги не было, а я ощущал каждый пальчик, они даже иногда чесались. Рана на ноге была огромная, вдоль всей культы были сделаны разрезы для выпуска заражённой крови.

Долго после операции я не мог прийти в себя, стонал. Когда кто-нибудь тихонько проходил мимо моей кровати, я ощущал это как сильный топот. Тринадцать дней я ничего не ел. Старая нянечка, которой я отдавал свою еду, где-то обменивала пайки моего хлеба на дольки шоколада, которым насильно кормила меня. Есть же на свете добрые люди! Надо учесть, что в это время Ленинград голодал...

Да, в двадцать лет я в полном объёме испытал, что такое боль, голод и холод. Но я счастлив, что я защищал великий город.

6 февраля 1993 года